

Камертон мегаполиса

Борис ПРОТАЛИН

ТАИСЬЯ

(К 80-летию Новосибирской писательницы Таисьи Пьянковой)

Наше знакомство состоялось в прошлом веке. В начале девяностых годов. В то время я сотрудничал с государственной телерадиокомпанией «Новосибирск». На радио был автором и ведущим фольклорной музыкальной программы.

Как-то раз увидел сборник новосибирских авторов. А в нем - первые сказы Таисьи Пьянковой. Пахло тайгой, костром. Щучкой в реке блеснул народный говор, пересыпанный пословицами. Я отыскал автора. Записал нашу беседу. Подобрал музыку, песни. Как чтец-исполнитель прочел сказы. Два выпуска радиопередачи по сказам Таисьи Ефимовны Пьянковой хранятся в фонде ГТРК.

Теперь мы друзья, соседи. По сути – родные люди. В наших беседах я почерпнул материал для своих миниатюрных рассказов.

Красавица

У Таисьи Пьянковой был полный набор детдомовца. Трудное детство. Нелегкая юность. Ох какой характер. И вот: молодая девушка, завод, общежитие...

В общежитии Таисья подралась со своей соседкой. Нарушила порядок, как водится, вызвали к начальнику цеха. Это был добрый, умный еврей. И все его любили. Особенно молодые девушки.

Таисья распахнула дверь в кабинет. Стала у порога. И с независимым видом прислонилась к косяку. Начальник цеха долго молчал. Разглядывал преступницу. Потом спросил:

– Таисья! Ты на себя в зеркало глядела?

– Глядела. Ну, и что? – С вызовом ответила Таисья.

– Какая же ты красавица! – С волнением в голосе воскликнул он. – А ведешь ты себя как? Иди. Подумай.

Она была готова к проработке. К ругани и крикам. К чему угодно. Только не к этому...

С тех пор Таисья стала относиться к себе и к людям совсем по-другому.

Почтовая любовь

Молодой парень списался с друзьями. Выведаль адрес Таисьи. Видно, ему сказали, что она привлекательная. Присылает ей письмо и свою фотографию. Моряк бравый. Брюки – клеш. Пишет:

«Я тебя люблю. Пришли мне свою автобиографию и фотку».

Таисья села. Сочинила автобиографию. И приложила фотку косошей, лысой дурочки, что работала стружковозом на заводе «Сибсельмаш». Отправила. Приходит ответ:

«Ты опозорила меня на весь корабль!..» Такая, сякая – ругань, маты...

Она ему пишет:

«Еще пришлешь такое письмо – отправлю его командиру корабля».

На том его заочная любовь и кончилась.

Настоящий полковник

Таисья работала на металлобазе. Художником. Видный полковник обратил на нее внимание. Подъехал с цветами. Пригласил в ресторан.

В ресторане стол на четверых. Подсела еще одна пара. Полковник сделал заказ. Выпил три рюмки водки. Неожиданно быстро опьянел. Локоть поставил на стол. Подбородок – на руку. И, рассеянно глядя перед собой, сказал:

– Таисья! Ты знаешь, сколько у меня денег? Я тут всех проституток могу купить...

Таисью как ведром воды окатили. Молодые люди тоже смутились. Полковник уразумел, что не туда загреб. Немного протрезвел. Ладно.

Сидят дальше. Еще хлебнул. Снова: глаз – стеклянный, локоть – на стол. Таисья говорит:

– Знаю, знаю! Ты тут всех проституток можешь купить. Дай мой номерок. У меня в пальто косметичка осталась.

Взяла номерок. Оделась. И сбежала из ресторана.

С ветерком

В деревню на уборку урожая приехали горожане. Молодые работники завода «Сибсельмаш». И с ними – Таисья Пьянкова. Разместились в клубе. А мимо клуба то в одну, то в другую сторону проносится красавец-парень на мотоцикле. По нынешним временам – все равно, что на мерседесе. За парнем гонится слава. Мол, покатает девку по деревне и увозит в лес. Одна из прибывших девчат, Машка Краснова, отчаяно, этим словам значение придала. Но все-таки, решила прокатиться. С ветерком.

Парень катал, катал девку по деревне. Потом разогнал свой мотоцикл и кричит:

– Ну, держись, Машка! В лес тебя увезу!

Машка, недолго думая, соскочила. Мотоцикл на огромной скорости уехал. А она приземлилась на дорогу. И поехала на заднице по сухой глине с каменной крошкой. Этим наждаком Машка начисто снесла трико на попе (осталась лишь полоска посередке да штанины сбоку) и белоснежную кожу со своих ягодичек. Таисья с подружкой подняли девку. У Машки по ногам кровь бежит. Врача в деревне нет. Привели в клуб. Положили на сцену. Остатки штанов срезали. Водой все промыли. И стали кухонным ножом выковыривать камушки из плоти. Электричества нет. Света мало. Деревенские мальчишки в окна подглядывают. Машка криком кричит. Казнь египетская!

Парень-мотоциклист перетрусил. Извиняться приехал. Мол, знал, что про него такая слава. Подпугнуть хотел. Подпугнул...

Несколько лет спустя, Таисья повстречала Марию в Новосибирске. Вспомнили эту историю. Похотели.

– Ну, и как теперь твоя попа? – спросила Таисья.

– Рябая моя попа, – улыбаясь ответила Маша. И вздохнула. – Лучше бы я тогда в лес съездила...

Поблудил

Северный Казахстан. Засушливый год. Работники завода «Сибсельмаш» косят молодой камыш на корм скоту. За Таисьей Пьянковой решил ухлестнуть директор колхоза по фамилии Пупков. Семейный человек, а вот поди ж ты. На блуд потянуло. Несколько раз он к ней приезжал на машине. Угощал арбузами. Жили они, все двадцать семь человек, в огромной военной палатке. Спали на матрасах, набитых молодым камышом. С одной стороны – парни, с другой – девчата.

Как-то раз Пупков приехал крепко выпивший. Без лишних слов Таисье намекнул, что вечером придет к ней ночевать. Таисья согласилась. К вечеру она уговорила такого же озорника, как и сама, Валеру, поменяться с ней

спальными местами. Все уже знали о проделке. Притихли, будто спят. Огромная палатка зашла.

Пупков приехал. Пробрался, ступая меж разбросанных повсюду тел. Он знал, где спит Таисья. И завалился к Валере под бочок. Когда он шарил по груди – Валера перси закрывал руками. Спустился ниже и... нащупал. Возьми он тихо уползи – такого бы позора не случилось. Но Пупков громко заматерился. И палатка взорвалась хохотом. Уже не разбирая дороги, наступая на руки и на ноги лежащих, Пупков рванул к выходу. Те, на кого он наступал, его пинали, лупили. Другие улюлюкали и хохотали...

Семь дней Пупков не появлялся на базе. Потом приехал. Прощенья просил. А Таисье хоть бы что. Все так же весела, будто ни в чем не была...

Припечатал

Таисья едет в поезде Хабаровск – Новосибирск. Лежит в купе на второй полке. Готовится ко сну. Через проход, тоже на второй полке лежит парень. Рыжий, кудрявый, крепко сбитый. В общем: деревня – купи трактор!

В Красноярске к ним подсадили попутчика. Таисья лица его не видела. Натянула на голову простыню. Новый пассажир тут же оккупировал столик. Шуршит, стучит, выкладывает провизию. Откручивает крышку термоса. И через несколько минут начинает пить чай. С наслаждением, с отяжлой, с шумным выдыханием. Таисье стало интересно: кто же так смачно, так выразительно швыряет? Выглянула. А это новосибирский писатель-публицист Казарезов. Казарезов Таисью увидел. Обрадовался. Пригласил к чаю. Стал рассказывать, что у него в журнал не взяли рукопись. То, се. Сидят они с Таисьей, пьют чай. Толкуют о своих писательских делах, работах.

Вдруг над ними нависла огромная голова деревенского парня. И сказала, будто обращаясь ко всей писательской братии:

– Писатели... Да какие вы нынче писатели? Вы – переписатели!

С кем поведешься

Собрание новосибирского отделения Союза писателей России. Перерыв. В коридоре разговаривают трое: Таисья Пьянкова, Абрам Китайник и Юрий Магалиф.

Обсудили вопросы второй части собрания.

Магалиф с неулыбчивой (с серьезной) физиономией и озорными глазами начинает напевать уморительную песенку с непристойными словами. Таисья – хохотушка. Ей трудно себя сдерживать. Прыскает и прыскает. Китайника она безмерно уважала и перед ним ей неудобно. Таисья жалуется:

– Абрам Ушеревич! Я не могу. Смотрите, что он вытворяет. Песню охальную поет.

Китайник с невинным выражением лица и с оттенком гордости, говорит:

– Это я его научил...

Гадалка

Таисья на улице догнала цыганка и в спину окликнула:

– Красавица! Дай погадаю.

Таисья остановилась, повернулась:

– Лет на пятьдесят ты опоздала с «красавицей».

Цыганка не смутилась:

– Я тебе все равно погадаю. Всю правду скажу.

– Правду? Тогда скажи: куда я иду?

– Ты по делу идешь.

– Ну, это понятно. Я вот иду деньги заниматься. Дадут мне деньги или нет?

– Дадут, дадут. – Закивала головой цыганка.

– Тогда дай мне денег, – говорит Таисья. – Мне две тысячи надо. Не дашь? Вот видишь, как ты врешь!

Цыганка махнула рукой и пошла, ругаясь матом.

– Ничего! Еще научись гадать, – говорит ей вдогонку Таисья. – У тебя всё впереди.

Цыганка обернулась и ответила:

– Ага. Пока стоишь – всё впереди. А как нагнёшься – всё сзади...

Присматриваюсь

Таисья заболела. И я отправился проведать болящую. Зашел в Дом ветеранов, где она живет. Поднимаюсь в лифте вместе с маленькой, любопытной бабусей. Старушонка оглядела меня с ног до головы. Спрашивает:

– Вы здесь живете?

– Пока нет, – невольно улыбаюсь я.

– Присматриваетесь, – понимающе закивала бабуся. – У нас тут полно невест. И всем под семьдесят.

– Это круто, – сказал я. А про себя подумал: «Докатился...».

Она вышла на четвертом этаже. Я поехал на шестой.

Женщины

В больнице повстречались две старушки. Таисья Ефимовна и Галина Анатольевна. Бабушкам за семьдесят. Обе – после операции. Одной удалили желчный пузырь. Другой – половину паха. Обрадовались друг дружке. Обнялись. Поцеловались. И первый вопрос Галины Анатольевны:

– Ну, что, Таисья Ефимовна! Когда будем делать татуаж бровей?..